

ТОММИ
ОРИНДЖ
ТАМ МЫ
СТАЛИ
ДРУГИМИ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-65

Tommy Orange
THERE THERE

Copyright © 2018 by Tommy Orange

Перевод с английского *Ирины Литвиновой*

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Elena Pimonova / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ориндж, Томми.

О-65 Там мы стали другими / Томми Ориндж ; [перевод с английского И. Литвиновой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-118252-6

Литература и кино сформировали романтизированный образ индейцев, живущих в полной гармонии с природой. Но кожное население Америки – народ, который прошел трагический путь и был загнан в резервации.

Это история двенадцати индейцев, родившихся в больших городах. Каждый из них пытается найти свое место в жизни и справиться с вызовами современного общества. У них разные судьбы, и только неугасающая связь с предками помогает сохранить свою идентичность в этом мире.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118252-6

Катери и Феликсу

Пролог

В темные времена
Тоже будут петь?
Да, тоже будут петь
О темных временах.

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

Голова индейца

Голова индейца, длинноволосого, в венце из перьев — рисунок неизвестного художника, выполненный в 1939 году, — вплоть до конца 1970-х годов появлялась на экранах телевизоров по всей Америке после окончания вещания. Телевизионная настроечная таблица так и называлась — «Голова индейца». Оставляя телевизор включенным, вы бы услышали сигнал на частоте 440 герц, используемой для настройки музыкальных инструментов, и увидели бы того индейца в кольце из сеток, напоминающих оптические прицелы. В центре экрана размещался черный круг с цифрами-координатами. Голова индейца располагалась как раз над яблоком мишени, и казалось, будто от вас только и требуется, что кивнуть в знак согласия и навести прицел на объект. Всего лишь тест.

В 1621 году колонисты пригласили Массасойта, вождя племени вампаноагов, на пир после недавней земельной сделки. Массасойт привел с собой девять десятков своих людей. *Та* трапеза породила тради-

цию наших совместных застолий в ноябре. Когда мы празднуем сообща как нация. Но тогда пир устраивали не в знак благодарения. Так отмечали земельную сделку. Два года спустя состоялась другая, похожая трапеза, призванная символизировать вечную дружбу. В ту ночь две сотни индейцев умерли от неизвестного яда.

К тому времени, когда сын Массасойта, Метакомет, стал вождем, общие застолья индейцев и пилигримов ушли в прошлое. Метакомет, также известный как «король Филип»¹, был вынужден подписать мирный договор, отказавшись от вооружения индейцев. Трое из его людей были повешены. Родной брат, Вамсутга, был, скажем так, с большой вероятностью отравлен после того, как его доставили в Плимутский суд и арестовали. Все это привело к первой официально объявленной индейской войне. Первой войне с индейцами. «Войне короля Филипа». Через три года война закончилась и Метакомет оказался в бегах. Но был пойман Бенджамином Черчем, капитаном первых американских рейнджеров, и индейцем по имени Джон Олдермен. Метакомет был обезглавлен и расчленен. Четвертован. Части его тела, чтобы их клевали птицы, развесили на соседних деревьях. Олдермен, заполучив кисть руки Метакомета, держал ее в судке с ромом и годами возил с собой, показывая за плату любопытным зевакам. Голову Метакомета продали Плимутской колонии за тридцать шиллингов — в то время

---

¹ «Королем Филипом» Метакомета прозвали английские поселенцы — якобы за внешнее сходство с испанским королем Филиппом II.

обычная ставка за голову индейца. Насаженную на шест голову вождя пронесли по улицам Плимута, а затем выставили в местном форте на следующие двадцать пять лет.

В 1637 году от четырехсот до семисот пекотов собрались на ежегодную Пляску зеленой кукурузы¹. Колонисты окружили их деревню, подожгли ее и расстреливали всех, кто пытался бежать. На следующий день колония Массачусетского залива² устроила праздничный пир, и губернатор объявил его Днем благодарения. Благодарения, подобные этим, случались повсюду, где происходило то, что называли «удачной резней». Говорят, во время одного из таких празднеств на Манхэттене жители на радостях пинали головы пекотов, гоня их по улицам, как футбольные мячи.

Первый роман, написанный коренным североамериканцем, как и вообще в Калифорнии, увидел свет в 1854 году. Его автором стал Джон Роллин Ридж, выходец из племени чероки. Роман «Жизнь и приключения Хоакина Мурьеты» основан на предположительно реальных событиях жизни мексиканского бандита из Калифорнии с тем же именем, что и убитый группой техасских рейнджеров в 1853 году. Чтобы доказать факт убийства Мурье-

---

¹ Обряд благодарения Матери-земли за плодородие у ряда индейских племен. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Британская колония в Новой Англии, самая северная из тринадцати колоний, позже реорганизованная в провинцию Массачусетс-Бэй.

ты и получить 5000 долларов вознаграждения, назначенного за его голову, ее отрубили. И держали в банке с виски. Как и кисть руки его компаньона, Трехпалого Джека. Рейнджеры возили голову Мурьеты и руку Джека по всей Калифорнии, показывая публике за доллар.

Голова индейца в банке, голова индейца на шесте, выставленные на всеобщее обозрение, реяли, как флаги, над толпой. Так же, как тестовая таблица «Голова индейца» транслировалась спящим американцам, отплывающим из своих гостиных по океану синие-зеленых светящихся эфирных волн к берегам и экранам Нового Света.

Катящаяся голова

В племенах шайеннов бытует старая притча о катящейся голове. Рассказывают, что одна индейская семья — муж, жена, дочь и сын — переехала из своего лагеря и поселилась у озера. По утрам муж, заканчивая ритуальные пляски, расчесывал жене волосы и раскрашивал ее лицо в красный цвет, после чего отправлялся на охоту. Возвращаясь вечером, он находил ее лицо чистым. Столкнувшись с этим не раз и не два, муж решил проследить за женой и подсмотреть, чем она занимается в его отсутствие. Так он застал ее на озере, где она стояла в обнимку с водяным чудищем вроде змея, обвивавшемся вокруг нее. Мужчина изрубил чудище на куски, убил жену и принес мясо домой, сыну и дочери. Дети обратили внимание на странный привкус мяса. Сын, все

еще вскармливаемый грудью, сказал: «Такой вкус у моей мамы». Старшая сестра заверила его, что это просто оленина. Пока они ужинали, в хижину вкатилась голова. Дети выбежали вон, и голова последовала за ними. Сестра вспомнила место, где они обычно играли и где росли кусты с толстыми шипами, и оживила шипы заклинаниями. Но голова прорвалась сквозь заросли и неумолимо приближалась. Тут сестра вспомнила другое место, где громоздились камни, создавая непроходимую преграду. Услышав ее мольбы, камни выросли из-под земли, но и они не остановили голову, так что сестра прочертила на земле четкую линию, и разверзлась глубокая пропасть, которую голова уже не смогла преодолеть. Но после долгого проливного дождя пропасть наполнилась водой. Голова перебралась на другой край, обернулась и выпила воду до дна. В голове все смешалось, она как будто опьянела. Ей захотелось большего. Всего-всего и побольше. И она покатила дальше.

Проследившая ход истории, нам следует помнить о том, что никто и никогда не сбрасывал отрубленные головы вниз по ступеням храма. Это придумал Мел Гибсон¹. Но те из нас, кто видел его фильм, не забудут головы, скатывающиеся по ступеням храма в мире, призванном напомнить реальный индей-

---

¹ Имеется в виду фильм Мела Гибсона «Апокалипсис» (2006). Действие фильма из жизни индейцев майя происходит в Центральной Америке на полуострове Юкатан в начале XVI века и наполнено жестокими натуралистическими сценами.

ский мир 1500-х годов в Мексике. Мир мексиканцев до того, как они стали мексиканцами. До того, как на их землю пришла Испания.

Нас описывают все кому не лень, на нас по-прежнему льют ушаты клеветы, хотя в Интернете ничего не стоит найти факты из нашей истории и узнать о нынешнем состоянии индейского народа. К нам приклеился скорбный образ поверженного индейца; в нашем сознании засели головы, катящиеся по ступеням храма; нас спасает Кевин Костнер, расстреливает из револьвера Джон Уэйн; а итальянец, прозванный Железноглазым Коди¹, изображает нас в кино. Мы предстаем озабоченным охраной природы, плачущим индейцем в рекламе (опять же стараниями Железноглазого Коди²), или безумным Вождем, чей голос рассказчика звучит в романе «Пролетая над гнездом кукушки» и кто пробивает умывальником стену. Наши лица нарисованы на логотипах и талисманах. Изображения индейцев можно найти в любом учебнике. Повсюду — от самого севера Канады и макушки Аляски до южных границ Южной Америки — индейцев сначала вышвырнули вон, а затем уменьшили до пернатого изображения. Изображения наших голов размещены на флагах, майках и монетах. Наши головы появились сначала

---

¹ Урожденный Эспера Оскар де Корти (1904–1999) — американский актер, итальянец по происхождению, получивший признание за исполнение ролей индейцев в голливудских фильмах.

² Имеется в виду рекламная кампания некоммерческой организации Keep America Beautiful («Сохрани Америку красивой»), существующей с 1953 года.

ла на одноцентовике, потом на пятицентовике с бизоном, причем задолго до того, как нам, индейцам, предоставили право голоса. А теперь обе эти монеты, как и правда о происходящем в мире, как и пролитая в бойнях кровь, вышли из обращения.

Резня как пролог

Некоторые из нас выросли на историях о массовых убийствах. На рассказах о том, что случилось с нашим народом в не такие уж далекие времена. О том, как мы это пережили. В Сэнд-Крике, как говорили, нас косили гаубицами. Добровольческая дружина под командованием полковника Джона Чивингтона пришла нас убивать — в основном женщин, детей и стариков. Мужчины с утра отправились на охоту. Нам приказали поднять американский флаг. Мы подняли его вместе с белым флагом. «Сдаемся», — кричал развевавшийся белый флаг. Мы стояли под обоими флагами, когда ополченцы двинулись на нас. Они не просто убивали нас. Они рвали нас на куски. Уродовали тела. Ломали нам пальцы, чтобы снять кольца, отрезали уши, чтобы забрать наше серебро, снимали скальп ради наших волос. Мы прятались в дуплах деревьев, зарывались в песок на берегу реки. Тот песок стал красным от крови. Они вырывали нерожденных младенцев из животов матерей, отбирая то, чем мы хотели быть, — отбирая наших детей еще до того, как они стали детьми, младенцев, прежде чем те стали младенцами. Их вырывали из утроб, разбивали мягкие детские головки о деревья. Потом они забрали наши

расчлененные тела в качестве трофеев и выставили их на всеобщее обозрение в центре Денвера. Полковник Чивингтон отплясывал, потрясая обрубками тел, женскими лобковыми волосами — пьяный, он танцевал, и собравшаяся вокруг него толпа казалась еще более кошмарной, потому что радовалась и смеялась вместе с ним. Такое вот празднование.

Жестко, быстро

Переселение индейцев в города должно было стать последним необходимым шагом в нашей ассимиляции, поглощении, стирании из памяти, завершении пятисотлетней кампании геноцида. Но большой город создал нас новыми, а мы сделали его своим. Мы не потерялись в этом хаосе высоток, потоке безымянных масс, несмолкающем шуме трафика. Мы нашли друг друга, основали индейские центры, явили миру наши семьи и пау-вау¹, наши танцы, песни и ремесла. Мы покупали и арендовали дома, спали на улице, под мостами автострад; мы ходили в школу, вступали в вооруженные силы, заполняли индейские бары во Фрутвейле в Окленде и в Мишн

---

¹ У индейцев — обряд с участием колдуна, часто с угощениями, плясками и т.п. В наши дни пау-вау — специфическое мероприятие, на котором современные жители США и коренное население собираются танцевать, петь, общаться, обсуждать культуру индейцев. На пау-вау проходят танцевальные соревнования, зачастую с денежными призами. Пау-вау может длиться от нескольких часов до трех-семи дней.

в Сан-Франциско. Мы жили в Ричмонде, в деревнях, состоявших из товарных вагонов. Мы творили искусство, рожали детей и создавали для наших людей возможность перемещаться между резервацией и городом. Мы не переезжали в города умирать. Тротуары и улицы, асфальт и бетон впитывали нашу тяжелую поступь. Стекло, металл, резина и провода, скорость, вечно спешащие массы людей — город принял нас. Тогда мы еще не были городскими индейцами. Все это проводилось по Закону о перемещении индейцев, в русле политики терминации¹, по духу и букве означавшей конец всему индейскому. Пусть выглядят и ведут себя как мы. Станут нами. И так исчезнут. Но все не так просто. Многие из нас перебрались в города по собственному выбору, чтобы начать жизнь с чистого листа, заработать деньги или получить новый опыт. Некоторые переселялись в города, сбегая из резерваций. Мы оставались там, возвращаясь с фронтов Второй мировой войны. И после Вьетнама. Мы остались, потому что для нас город созвучен войне, а с войны не дезертируют, ее можно лишь сдерживать, и это легче сделать, когда видишь и слышишь ее рядом — скрежет металла, постоянный огонь вокруг, машины, мечущиеся по улицам и автострадам, как пули. В тишине резерваций, городков на обочинах шоссе, сельских общин еще более отчетливо звучит пылающий в огне мозг.

---

¹ Политика прекращения опеки над индейскими племенами и общинами в 1950–1960-е годы, предполагавшая ликвидацию особого статуса коренного населения США и отказ от обязательств федерального правительства оказывать индейцам помощь.